

гурками. Упустил из виду, что среди круглых шахматных фигурок есть одна не круглая, а плоская — этот самый «конь». Часа два, считай, вынудив из шахматной доски-коробки «коня», бился над тем, как же в самом деле на токарном станке обработать плоскую головку, как вырезать уши и канавки, обозначающие конскую гриву... «Можно! — пришел он в конце концов к выводу. — Можно и головку сделать. Но столько понадобится дополнительных устройств, столько мороки, что проще вручную вырезать. — И сказал себе: — Сто раз подумай, прежде чем что-либо говорить студентам. Сто раз!» — А о Зиме подумал, что девчонка, конечно, «колючая», но голова у нее, ничего не скажешь, на месте...

Однако самым серьезным образом «зацепила» его Зима сегодня... Климов, как всегда, объяснил, что и как надо делать, дал команду включать станки. Ребята разошлись по своим рабочим местам, станки заработали, мастерская наполнилась гулом. Климов неторопливо прохаживался между рядами станков, готовый в любую минуту помочь кому-нибудь из практикантов отключить коробку скоростей, поставить нужную подачу или глубину резания.

— Не бойтесь! — твердым и спокойным голосом внушал он толстухе Андреевой, появляясь у нее за спиной в тот самый момент, когда Андреева испуганно отпрянула от суппорта, поползшего не в ту сторону. — Станок должен слушаться вас, он — машина. Вы же — человек, повелитель, вы прекрасно знаете, как станок устроен, что у него внутри. А ну, смелее беритесь за рукоятки. Включайте. Не дрожите, как осиновый лист. Так. Пошло дело!.. Теперь гоните резец к заготовке. Смелее!

И убедившись, что Андреева успокоилась, обрела способность соображать, Климов вновь отправился вдоль гудящего зала. В такие минуты он чувствовал свою силу, чувствовал, что ладно скроен, проворен и ловок, что все шестнадцать машин и шестнадцать человек как бы подключены к нему, послушны ему, подвластны. Его напряженное ухо улавливало оттенки гула моторов, глаза одновременно видели и весь зал в целом, и то, как растерялся, покраснел вон тот вихрастый парень, как его бросило в жар: забыл, за какую из рукояток хвататься...

— За эту, — мимоходом подсказывал Климов вихрастому.

— Немедленно застегните халат! — строго приказывал

девчонке по соседству.— Закрутит полу на ходовой валик — кто будет вас от станка оттирать?..

— Зачем большую глубину резания поставили? Сгорит резец! — сердился Климов в одном месте.— Вот так,— одобрял в другом.

Тут нужен глаз да глаз, особенно вначале, когда практиканты словно птенчики неоперившиеся. Тут без чепэ не обойдешься, они почти неизбежны, эти маленькие чепэ. И он журил, строжился, сердито выговаривал студентам, пряча от них добродушную усмешку — ничего, ничего, мол, со временем вы у меня так ли еще токарить будете!.. Ему нравилось возиться с ними, нравилось, когда работают все станки и мастерская наполняется мощным гулом; нравилось волнение, румянцем проступающее на щеках у парней и девчат.

Пребывая вот в таком приятном напряжении и радуясь дружному гулу всех шестнадцати станков, Климов как раз и увидел, что у Зимы что-то случилось. Никак согнула заготовку, и та лупит согнутым концом по резцу, дробит головку резца...

Подскочив к перепуганной девчонке, Климов накрыл своей рукой ее теплую руку, лежащую на рычаге фрикциона, быстрым движением вниз отключил фрикцион; тотчас же смолк бешеный вой шпинделя, оборвался грохот.

— Кто ж так делает! — укоризненно сказал Климов, не обращая внимания на то, что Зима отдернула свою руку, будто обожглась.— Пруток длинный, нежесткий, от того и согнулся. Из патрона его нужно выдвигать самое большее вот столько.— Климов показал — сколько.— Я ли об этом не говорил! Прослушали, наверно? А теперь смотрите, что с резцом...— Климов ткнул пальцем в изуродованную головку резца.— Даже пластинка отскочила...

Зима насупилась, молчала. Потом, еще более покраснев, с вызовом проговорила:

— Подумаешь... резец...

— «Подумаешь, резец?» — Тут уж Климов рассердился не на шутку.— А вы знаете, как их делают, резцы? Знаете, что режущая пластинка имеет такой сложный состав, что для приготовления ее нужен целый завод? Знаете, что состав порошка, которым она приваривается к телу резца, тоже не простой? А заточка? Вы, наверное, думаете — пустяк, взял да и заточил. Не-ет, голубушка, тут надо соблюдать геометрию, точную геометрию, иначе он не будет резать. Значит, прежде чем вы закрепите резец

у себя на станке, над ним потрудятся, поломают голову сотни людей. А вы его раз и — вдребезги. Да еще говорите: подумаешь, резец!.. Не любите, стало быть, технику, без души к ней относитесь, иначе бы не сказали «подумаешь, резец»... У нас ведь технический вуз. Не нравится, шли бы, скажем, в балет или в торговлю...

— А зачем обязательно любить? — опять с вызовом спросила Зима.

— То есть как это «зачем»? — Климов даже оторопел немного.

— Ну да — зачем? — повторила Зима, и поздри ее слегка вздернутого носа упрямо встрепнулись. — Ну, я ошиблась, сломала резец. Ну, извините, больше не буду. Все буду делать как следует, вот увидите. Но «любви» там какой-то от меня не требуйте. Чего тут любить-то? Железяки эти?

Климов от возмущения даже слов не нашел, только махнул рукой и пошел прочь. «Пустая девица! — в сердцах думал он. — Угробила резец и еще философствует: «Чего тут любить-то? Железяки эти?..»

Климов любил свое дело, любил технику и не понимал людей, равнодушных к ней. Как можно быть равнодушным к технике, если она удлиняет наши руки, обостряет наше зрение, может переносить нас с огромной скоростью на какие угодно расстояния, избавляет от нудного однообразного труда? Как можно не восхищаться красавцами авиалайнерами, изящными «Ладами», стремительными судами на подводных крыльях, космическими кораблями? Как можно не восхищаться вот этим токарным станком, на котором создаются такие чудеса?..

«Пустая девица!» — снова подумал он о Зиме и еще раз, теперь уже мысленно, махнул на нее рукой, перестал его интересоваться: пустая и пустая, и ну ее к аллаху! Еще расстраиваться из-за нее...

Однако вскоре Зима вновь озадачила его. Озадачила упорством, с каким осваивала станок и вытачивала те изделия, которые необходимо было изготовить по программе.

Всех практикантов, прошедших и проходящих через его мастерские, Климов мысленно делил на «сачков», «настоящих ребят» и «формалистов». «Сачки» — это те, которым лишь бы отделаться, лишь бы спихнуть, лодыри, словом, никудышные работники. Ну, вот как Андреева. Та сдает свои уродливые, вымученные болтики, а на

лице так и написано: «Ну примите у меня эти штуки. Ну что вам стоит! Вы же сами понимаете — какой из меня токарь? Я просто хорошенькая девушка — и все. Мне б только троечку...» А есть настоящие. Вот Стукалина возьми. Он так и светится весь, когда слушает объяснения или работает на станке. Все его интересует, до всего он хочет докопаться, до всего дойти, во все вникнуть. Станок обихаживает так, будто не машина перед ним, а живое существо... Такие-то и станут настоящими инженерами, такие-то и греют душу Климова, ради таких-то он и готов разбиться в доску... Но есть еще и «формалисты», те, которые только делают вид, что им интересно в мастерских. На самом же деле если их что и интересует по-настоящему, так это оценка в зачетке. Получить хорошую оценку любым путем — вот их цель. Не знания, не занятия важны, а оценка.

Зима ни к одной из этих категорий вроде бы не подходила. Она, конечно, «формалистка», но какая-то особенная «формалистка». Если те равнодушны к занятиям, равнодушны к технике, то об этом можно лишь догадываться, они свое равнодушие скрывают. Эта же открыто объявляет о нем. Мол, вот я делаю все как надо, стараюсь, вот вам мои руки, так сказать, но не требуйте от меня еще и любви к делу, не требуйте души. Такого в его, Климова, практике еще не бывало.

И теперь, сидя в опустевшем и притихшем после ухода студентов зале, Климов поглядывал на работающую в дальнем углу девчонку и думал: «Старается... Ради чего старается? Ну, принесла бы что сделала, поставил бы тройку да и «до свидания». Так нет, упорствует. Будто доказать что-то хочет...»

«Конечно,— думал Климов,— можно и не копаться во всей этой «психологии», можно рассудить и так: какая в конце концов разница, формально человек делает свое дело или с душой. Лишь бы делал, лишь бы результат выдавал, остальное мелочи. Да и обществу, если брать шире, какая разница, любит человек свое дело или нет. Для общества тоже важен прежде всего результат. И по тому, как работает человек, сколько и какой продукции выдает — по тому его и ценят. И как эту разницу между «формалистами» и «настоящими» разглядишь, если оба работают хорошо?..»

«Да, в обычных условиях,— рассуждал сам с собою Климов,— разницы между ними и не видно. Тут нужно

какое-то чепэ, какое-то происшествие, чтобы люди раскрылись, чтобы отчетливо стало видно: этот настоящий, а этот нет. Ну, например, пожар. Здесь, в мастерских. Бросился бы, скажем, Стукалин спасать станки, тушить пожар? Стал бы хвататься за горящую проводку? Уверен, что стал бы. И сам ты стал бы. А такие, как Зима, и пальцем не пошевелинут...»

«Да, но пожар все-таки явление исключительное, редкое,— спорил сам с собой Климов.— А вот как в обычных, не «пожарных»-то условиях?..»

«Редкое-то редкое,— возражал он себе,— но серьезное. Такие-то «пожары» и есть испытание, тут-то человек и узнается, раскрывается, тут-то он и показывает свое истинное нутро... И потом — даже в обычных условиях разве для общества важен только результат труда сам по себе? Может, главное-то как раз то, каков сам человек, выдающий этот результат?..»

«Вот именно! — обрадовался Климов своей мысли.— Самое-то важное, наверно, как раз то, каков человек, а не болтики, которые он делает...»

Надо сказать, что вообще-то Климов редко задумывался над общими, отвлеченными проблемами, не любил он всякие такие «философенции», как он выражался. «Технарю», инженеру, считал он, это ни к чему, для этого есть другие специалисты, философы или как их там — вот пусть и думают!.. И если тем не менее он сидел и философствовал и даже спорил сам с собой, то, значит, здорово же Зима задела его, зацепила своими рассуждениями...

Глянув на часы, Климов решил, что надо-таки выручать «упрямицу». Если гора не идет к Магомету...

Зима, довольно умело орудуя рукоятками, вытачивала очередной болт. Черный халат, как и полагается, застегнут на все пуговицы, рукава чуть подогнуты, волосы аккуратно повязаны цветастой косынкой. Лампа с металлическим абажурчиком, закрепленная на станине, дополнительно к верхнему свету хорошо высвечивала заготовку и резец. На тумбочке лежали штук десять готовых болтов, загнанных, видимо, в брак.

— Ну что? Не получается?.. — доброжелательным тоном спросил Климов. — Давайте я помогу...

— Да нет, спасибо, — ответила она, лишь на какое-то мгновение отрываясь от работы. — Я сама... — И снова опустила глаза к поблескивающей, подрагивающей под резцом детали.

— Все характер свой показываете?

— Какая уж есть,— все так же, не поднимая глаз, ответила Зима и рывком включила механическую подачу.

Постоял Климов, потоптался, демонстративно пожал плечами, мол, была бы честь предложена... И пошел прочь. «Ну и девица... Не приведи господи!..»

Решил сходить наверх к Потапычу.

Учебный мастер по слесарному делу, толстый, добродушный старикан, уже прибрал инструменты, в мастерской на всех верстаках был полный порядок, и теперь Потапыч с трудом стягивал тесный халат со своих могучих плеч.

— А-а, Степаныч,— сказал он, увидев Климова.— Заходи. Пива хошь?

— Пива?..

— Да взял давеча пару бутылок, думал — домой унесу. Дак а че домой? Старуха в рот не берет, а одному — какой интерес?..

Уселись возле стола, на котором лежал точно такой же, как у Климова, журнал с фамилиями студентов и оценками, возвышалась горка поблескивающих питангенциркулей. Потапыч достал из белого шкафчика с красным крестом на дверце два стакана. Покрякивая и похваливая ядреное пиво, рассказывал, как Колька Баев из столярного цеха опять учудил со сторожем. Упоил старичонку вусмерть, а когда тот заснул, Колька мигом выстрогал секиру и вложил сторожу в руки. Тот — ни гугу, сопит себе в обе дырки. Тогда Колька-варнак подвесил ему бороду из пакли, а на голову надел ведро из-под столярного клея. Вся подвыпившая компания мастеров, рассказывал Потапыч, так и полегла, так все и схватились за животики, когда увидели: сидит «стрелец» на посту, в руках огромная секира, на голове шлем, борода до колен, а рядом, как и полагается, пустая бутылка из-под «стрелецкой»...

Климов прекрасно знал и Кольку-столяра, и двух мрачноватого вида кузнецов, и сварщика с его прожженными брезентовыми штанами. Все они были учебными мастерами в полном смысле слова, народ башковитый, золотые руки. Но и выпить после работы и почудить они тоже были мастера... Климов уважал их, со всеми был на ты, однако Потапыч — особое дело, с Потапычем они жили, что называется, душа в душу.

— Как же, помню, помню Зиму,— сказал Потапыч,

когда Климов сообщил, что у него внизу тоже все закончили, и только Зима еще возится.— Помню я Зиму.— Потапыч задумался на минуту и одобрительно прогудел: — Насты-бырная... Другой, покамест опилит вон молоток, раз двадцать подбежит покажет — не готово ли? А эта — нет. Эта уяснит, что от нее требуется, и пока не добьется, не подойдет...— Потапыч снова помолчал, а потом вдруг оживился: — А, слышь, девка какая! — Он весь подался вперед, к Климову, и продолжал почему-то вполголоса, хотя в мастерских кроме них никого не было:— Тугая, знаешь, с виду... Ну, как спелая виноградина!..— Широкое, с носом-картофелиной, щербатое лицо Потапыча налилось стыдливой краснотой, глаза молодо заблестели, в тоне было восхищение и вместе с тем сожаление о своих пятидесяти с большим гаком.

Климов слушал разомлевшего от пива, от доброты и от разговора на сладкую тему Потапыча и ловил себя на том, что слова старого греховодника каким-то образом остро его, Климова, заинтересовали. Он только сейчас впервые подумал о Зиме как о девушке, подумал и тотчас же почувствовал, что Потапыч, пожалуй, прав. Занятый спорами да словесными препирательствами с нею, Климов, может быть, и замечал, да не осознавал, что девчонка-то и впрямь хороша. А вот сейчас, слушая Потапыча и ощущая, как жар подступил к щекам, понял: прав Потапыч насчет «виноградины»...

«А как она руку-то отдернула,— вспомнилось ему,— когда помог отключить станок!.. Будто обожглась...»

Конечно, его, Климова, возмутило тогда ее заявление о сломанном резце, о том, что свое дело не обязательно любить. Но, может быть, его «зацепило», вывело из равновесия еще и то, что эта строптивая «формалистка» такая хорошенькая?..

Так или иначе, но когда Климов, попрощавшись с Потапычем и спустившись к себе вниз, снова подошел к Зиме и сказал, что пора заканчивать работу, то сказал он это уже совершенно иным, нежели раньше, голосом, даже как бы с робостью.

Зима, видимо тотчас уловив в тоне мастера перемену, несколько удивленно посмотрела на него и тоже не обычным своим задиристым, а каким-то потеплевшим тоном пожаловалась:

— Они у меня немного не дотягивают до одной десятой, понимаете? А начну снимать излишек — перескаки-

ваю за эту десятую, и получается брак. — Щеки у нее были розовые, и вся она была разгоряченная работой.

Климов взял один из болтов, что лежали на тумбочке, и «закусил» его губками штангенциркуля.

— Вот это все ваше упрямство! — мягко, но наставительно сказал он. — Болты у вас давно готовы. И если бы вы подошли и спросили, я бы объяснил, что вы неправильно поняли, что такое поле допуска. Идите сюда... — Он подвел ее к доске, что висела возле его, мастерского, столика, и набросал мелом поле допуска. Пояснил, что это такое, и добавил: — А вы хотели получить точно восемь минус одна десятая. Это же невозможно. Станок ваш умница, он выдавал детали по середине поля допуска, а вы хотели заставить его работать по краю. Зачем? — Климов не удержался, упрекнул Зиму за ненужное упрямство, за высокомерные заявления: «Я сама...», «Какая уж есть...» — и так далее.

— Нельзя же быть такой букой, — говорил Климов, видя, что Зима потупилась и внимательно слушает его. — Все тут люди, и все готовы помочь вам. Не отгораживайтесь от людей, они в большинстве хорошие, они к вам с открытым сердцем... — Тут Климов, конечно, увлекся своим наставничеством и вроде бы даже догадывался об этом, однако вид потупившейся, покорно слушающей Зимы побуждал его к новым и новым поучениям. — И неверно вы утверждаете, что дело свое необязательно любить, можно, мол, просто отбывать повинность. Дело все-таки надо любить, с душой его делать, только тогда вы будете жить, именно жить, а не коптить небо...

— Знаете что... — тихо заговорила Зима. — Не агитируйте меня. Бесполезно. У меня такие убеждения. Почему вы не допускаете мысли, что у людей могут быть другие, отличные от ваших, убеждения? — повернулась и пошла к своему станку.

Уяснив, что Зима не хочет продолжать разговор вообще, Климов оскорбился, а вспомнив ее прежние дерзости и свое сверхтерпеливое, как он считал, к ним отношение, он рассердился ужасно. И складывая в шкафчик инструмент, пряча в стол журнал, в котором только что вывел против фамилии Зима жирную пятерку, снимая халат и краем глаза наблюдая, как Зима прибирает станок и моет руки, Климов все злился — чего он возится с этой девчонкой! Чего он не поставит ее на место! Кого она из себя воображает! У нее, видите ли, такие убеждения!.. И

говорить даже не захотела! А он-то, он-то с ней еще по-хорошему! По-человечески!.. Выходит, зря!..

«А вообще... ну ее к черту, Зиму эту! Чтоб о ней еще думать! — сердился Климов, надевая пальто и нахлобучивая шапку. — Ну ее к дьяволу!..»

Из мастерских тем не менее вышли вместе.

— II —

Да, из мастерских Климов и Зима вышли вместе, готовые спорить, готовые наговорить друг другу колкостей, которые так и просились на язык. Во всяком случае Климов был настроен воинственно и почему-то был уверен, что и у Зимы такое же настроение.

Но когда за спиной у них сторож с лязгом задвинул дверную задвижку и под ногами запохрустывал звонкий морозный снежок, когда Климов вдохнул в себя чистый холодный воздух и увидел над черной громадой институтского здания ясное небо с четкими крупными звездами, то почему-то решил попридержать язык. И правильно сделал. Потому что в следующую же минуту выяснилось, что Зима совсем не склонна, как он предполагал, к «войне».

— Какие звезды... — тихонько сказала она, слегка запрокинув голову в белой пушистой шапочке.

— Да, действительно, звезды... — пробормотал в ответ Климов.

И дальше они шли молча. Прошли под высокой и темной аркой главного учебного корпуса, пересекли наискосок институтский двор и неторопливо направились вдоль пустынной ночной улицы.

— А вы знаете стихи Исикавы Такубоку? — вдруг спросила Зима, снова поднимая глаза на темное небо с крупными звездами.

Знал ли Климов стихи Исикавы Такубоку?

Знал ли он вообще какие-нибудь стихи?.. Конечно, помнилось кое-что со школы: заставляли ведь заучивать. Но вообще-то стихи и в детстве и особенно сейчас интересовали Климова мало. Отец его всю жизнь был шофером, и Климова еще со школьных лет занимал вопрос: как же делается, как получается эта сложная машина — автомобиль? Ведь сотни, сотни самых разных частей в

автомобиле! — как они изготавливаются? Каким образом одна к другой подгоняются, собираются, а будучи собранные вместе, оживают, двигаются и двигаются в полном согласии? Эти вопросы занимали Климова больше всяких стихов. И не только автомобиль и его детали... Климов вообще любил смотреть, как отец или кто другой работает, как из ничего получается нечто. Он мог часами наблюдать, как, например, строители кирпич по кирпичу возводят стену. Или как из куска дерева у столяра получается четырехгранный брус, а из болванки на станке вытачивается чистая, поблескивающая деталь. Да вот даже пустяк — мужик во дворе сгребает лопатой кучу снега, и получается горка для ребятни. Даже это завораживало, захватывало Климова. «Как это делается?» — вот что всегда будоражило ему кровь. При этой мысли он забывал об окружающем, рот у него приоткрывался, а на лице, в руках, в ногах, во всем теле начинались некие микродвижения, как же наблюдаются у спортивного болельщика, когда тот сопереживает с любимым спортсменом. Технология, техпроцессы — вот что самое интересное в жизни, решил Климов, еще будучи пацаном, школьником. Его и в литературе-то больше всего интересовали «рабочие» описания, то есть все то же — «как это делается». В «Одиссее» его больше всего, помнится, поразило описание расправы над одноглазым циклопом. Сцена, в которой хитроумный Одиссей с товарищами, решив ослепить захмелевшего циклопа, заострили мечами бревно, обуглили острый конец на огне, а затем воткнули бревно тлеющим концом в глаз дремлющего великана да при этом еще и повернули бревно, как бы выкручивая чудовищу глаз...

А когда учитель истории говорил о людях каменного века, показывал рисунки их орудий труда и говорил, что эти орудия примитивные, то Климов и соглашался с учителем и не соглашался. Конечно, они примитивные, эти орудия, но Климова озадачило то, что в одном из каменных топоров было проделано отверстие для топорща. Правильной формы, круглое. «Как они умудрялись дырять камень? — думал Климов о пещерных людях. — Не имея сверл, не имея станков, ничего не имея?..»

Учитель в подробности не вдавался, технология каменного века его не интересовала. И лишь много позже, когда Климов стал копаться в истории техники, он нашел эти подробности и снова был потрясен — это каким же упорством и мастерством падо было обладать, чтобы вра-